

О.Генри

Деловые люди
(сборник рассказов)

ФТМ

О. Генри
Деловые люди (сборник)

«ФТМ»

1910

О. Генри

Деловые люди (сборник) / О. Генри — «ФТМ», 1910

Один из самых известных юмористов в мировой литературе, О. Генри создал уникальную панораму американской жизни на рубеже XIX–XX веков, в гротескных ситуациях передал контрасты и парадоксы своей эпохи, открывшей простор для людей с деловой хваткой, которых игра случая то возносит на вершину успеха, то низвергает на самое дно жизни. «Вы, конечно, сами все знаете про театры и про актеров. Вы задевали живых актеров локтями на улицах, а они задевали вас за живое на сцене. Вы читали критику на них в газетах и видели в журналах остроумные шутки насчет хористок и длинногривых трагиков. Если свести воедино ваши представления о таинственной закулисной стране, то получится примерно следующее...»

© О. Генри, 1910

© ФТМ, 1910

Содержание

Деловые люди	5
Золото, которое блеснуло	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

О. Генри

Деловые люди

(рассказы из авторского сборника)

Деловые люди

(Перевод Инны Бернштейн)

Вы, конечно, сами все знаете про театры и про актеров. Вы задевали живых актеров локтями на улицах, а они задевали вас за живое на сцене. Вы читали критику на них в газетах и видели в журналах остроумные шутки насчет хористок и длинногривых трагиков. Если свети воедино ваши представления о таинственной закулисной стране, то получится примерно следующее:

Премьерши имеют по пять мужей и массу драгоценностей, фальшивых, конечно. А сложение у них ничуть не хуже вашего, мадам, просто они пользуются накладками. Хористки – это сплошь пергидроль, поклонники и «паккарды». С гастролей все актеры возвращаются по шпалам на своих двоих. Добродетельные актрисы в Нью-Йорке требуют, чтобы на роли комических старух брали их мамаш, а на гастролях – хотя бы двоюродных тетушек. Настоящее имя Кэрл Беллью – Бойл О'Келли. Джон Мак-Куллок свои разоблачения, вот что записаны на фонограф, попросту украл у Эллен Терри, перекупив по дешевке ее мемуары. Джо Уэббер куда смешнее, чем И. Г. Содери; а Генри Миллер явно стареет и уже не тот, что был раньше. Ночью после спектакля все, кто работает в театре, пьют шампанское и заедают омарами, и так до утра или даже до полудня. Да чего там, все равно кинематограф сделал из них всех котлету.

Но в действительности мало кто из нас знает истинную жизнь служителей Мельпомены. Знали бы, так, наверно, валили бы в актеры еще гуще, чем валят сейчас. Мы поглядываем на них скептически и свысока, хотя потом приходим домой и у себя перед зеркалом пробуем разные жесты и позы.

В последнее время появилась новая точка зрения на актеров. Что будто бы в театрах работают не гастрوليрующие вакханки и охотники за брильянтами, а самые что ни на есть обычные деловые люди, ученые и аскеты, обремененные семьями и собственными библиотеками, что они владеют недвижимостью и ведут дела так же здраво и осмотрительно, как любой из нас, благонамеренных граждан, пожизненно привязанных к колесу квартирной платы, растущих цен на уголь, газ и лед и муниципальных сборов.

Которая из этих двух теорий верна, здесь не место гадать. Я просто предлагаю вашему вниманию небольшой рассказ о двух членах эстрадной труппы; а в подтверждение его правдивости могу провести вас через актерский подъезд в старый театр Китора и показать на двери темное пятно от бесчисленных толчков ладонью, когда недосуг поворачивать чугунную витую ручку, – у той двери я последний раз видел Черри, она ласточкой впорхнула к себе в уборную, как всегда рассчитав время до минуты.

Эстрадный дуэт «Харт и Черри» был счастливой находкой. До этого Боб Харт четыре года разъезжал по восточным и западным штатам со своей смешанной программой – в нее входил монолог, три жанровых песенки с молниеносным переодеванием, две пародии на знаменитых пародистов и один характерный танец, не раз удостоенный одобрительного взгляда контрабасиста в оркестре – для настоящего актера нет выше похвалы.

Дело в том, что актеру приятнее всего на свете видеть, как кто-нибудь из его собратьев позорит жалкими ужимками актерское звание. Чтобы доставить себе такое удовольствие, он может покинуть теплое местечко на Бродвее и отправиться за тридевять земель – присут-

ствовать при заклании какого-нибудь своего менее даровитого коллеги. Но случается – хотя и очень редко, – что тот, кто приходит, чтобы поглумиться, остается смотреть и даже потрудит свои руки звучным соприкосновением ладоней.

Однажды вечером Боб Харт всунул свое серьезное и всем в театральном мире известное лицо в окошечко кассы конкурирующей труппы и получил контрамарку в партер.

Вспыхивали и гасли названия номеров программы, одно за другим погружаясь в небытие и все глубже погружая Харта в мрачное уныние. Другие зрители сипли и корчились от смеха, свистели и хлопали – Боб Харт, «Бездна Обаяния и На Все Руки Мастер», сидел с постной физиономией и далеко держал ладонь от ладони, словно мальчик, помогающий бабушке смотреть шерсть в клубок.

Но вот начался восьмой номер программы, и «Бездна Обаяния» востепенулся. Счастливая восьмерка возвещала появление Виноны Черри, «Исполнительницы Характерных Песенок с Перевоплощениями». Вся-то Черри была – дунь и нет ее, но свой номер она умела подать честь по чести. Сначала перед вами появлялась восхитительно юная деревенская простушечка в ситцевом передничке и с корзинкой бутфорских ромашек и пела о том, что у них в старой бревенчатой школе можно научиться не одним только столбикам и глаголам, но и кое-чему другому, особенно «когда учитель в наказание на вечер в классе оставлял». Потом, взмахнув ситцевыми оборками, она исчезала и быстрее, чем в мгновение ока, появлялась снова – уже задорной парижанкой. Ибо Искусству ничего не стоит сблизить нашу добрую красную мельницу и парижскую Moulin Rouge.¹ И тогда...

Но дальше вы все сами знаете. И Боб Харт знал. Просто он увидел и нечто другое. В лице Черри он увидел единственную актрису, в точности подходящую, по его мнению, для роли Эллен Граймс в скетче, который он написал и хранил под крышкой своего чемодана. У Боба Харта, как у всякого нормального актера, бакалейщика, газетчика, профессора, маклера или фермера, была припрятана пьеса собственного сочинения. Их хранят под крышкой чемодана или в дупле дерева, в письменном столе или в стоге сена, на книжной полке или во внутреннем кармане, в сейфах, шкатулках и ящиках для угля, пока не появится какой-нибудь новый мистер Фроман.²

Но скетч Боба Харта был не из тех, которым суждено заплесневеть без применения. Назывался он «Кот издох – мышам раздолье». Боб написал его и спрятал до того времени, когда ему подвернется партнерша на роль Эллен Граймс, полностью отвечающая его авторскому замыслу. И вот теперь он увидел живую Эллен: у нее была и юность, и бойкость, и наивность, и огонек, и самая безупречная актерская техника – даже на его придирчивый вкус.

После ее выступления Харт разыскал в кассе директора и получил у него адрес Черри. Назавтра в пять часов вечера он вошел в старый дом в западном конце одной из Сороковых улиц и послал на верхний этаж свою карточку.

При дневном освещении, в мирской блузке с длинным рукавом и простой шерстяной юбке, с подобранными волосами и скромным выражением лица, она хоть сейчас могла бы выступить на сцене в роли Пруденс Уайз, дочери проповедника и героини великой еще не написанной и не озаглавленной драмы из истории Новой Англии.

– Я знакома с вашей работой, мистер Харт, – сказала мисс Черри Вишенка, внимательно изучив его карточку. – По какому поводу вы хотели меня видеть?

– Я смотрел вас вчера на сцене, – ответил Харт. – У меня есть один скетч, я его написал и пока придерживаю. Там две роли; и мне кажется, вторая вам в самый раз подходит. Вот я и решил потолковать с вами об этом деле.

¹ «Красная мельница» (фр.) – знаменитое кабаре.

² Чарльз и Дэниел Фроманы – известные в конце XIX в. американские антрепренеры и режиссеры.

– Заходите в гостиную, – сказала мисс Черри. – Это меня интересует. Хотелось бы попробовать играть, а не выступать с номерами.

Боб Харт вытащил из кармана своих «Мышей» и прочитал ей.

– Пожалуйста, прочтите еще раз, – попросила мисс Черри.

Потом она предложила несколько поправок: ввести в пьесу вестника взамен разговора по телефону, оборвать диалог перед развязкой, когда герои борются за револьвер, и совершенно изменить все реплики Эллен в том месте, где ее одолевает ревность. Харт без возражений все принял. Она сразу увидела слабые места в его скетче. Ничего не скажешь, женская интуиция, именно этого ему и не хватало. К концу разговора Харт готов уже был ручаться всеми своими навыками, знаниями и накоплениями за четыре эстрадных года, что «Мыши» расцветут пышным круглогодичным цветом в саду гастрольных возможностей. Мисс Черри была не столь поспешна в выводах. Поморщив свой гладкий юный лоб, постучав карандашиком по своим ровным белым зубкам, она, наконец, изрекла последнее слово.

– Мистер Харт, – сказала она. – По-моему, ваш скетч должен иметь успех. Роль этой Граймс подходит мне, будто специально для меня писана. У меня бы она заиграла, как духовой оркестр Сорок четвертого кавалерийского полка на смотре. И вас я видела, знаю, как вы прекрасно управитесь со второй ролью. Но дело есть дело. Сколько вы получаете в неделю за ваше теперешнее выступление?

– Двести, – ответил Харт.

– А я сто, – сказала Черри. – Обычная скидка для женщины. Но я на эту сумму живу и еще каждую неделю откладываю по несколько зелененьких про черный день. Работа в театре мне нравится; я ее люблю; но еще больше я люблю другое – деревенский домик, который я куплю себе когда-нибудь, а во дворе чтобы бегали рябые курочки-несушки и шесть уток. И позвольте вам сказать, мистер Харт, что у меня сугубо деловой подход. Если вы хотите, чтобы я сыграла роль в вашем скетче, я сыграю. И, по-моему, дело у нас пойдет. Но только я должна вас предупредить: никакой дури я не допущу. Ни о чем таком не может быть и речи. Я работаю в театре ради заработка, как другие девушки работают в конторах и магазинах. Хочу накопить денег на то время, когда мне уже не под силу окажутся теперешние трюки. В «Доме Старых Дам» или в «Убежище Для Непредусмотрительных Актрис» я жизнь кончать не намерена. Хотите, чтобы мы с вами стали компаньонами, мистер Харт, и при этом совершенно безо всяких глупостей – я согласна. Какие в театре бывают компаньоны, мне известно, но только мы с вами должны во всем от них отличаться. Помните, я выхожу на сцену для того, чтобы побольше принести домой в конверте с желтым табачным пятном на том месте, где лизнул кассир. Считайте, что у меня такое хобби – накопить, пока лето, побольше теплых вещей на зиму. Вы должны знать, что я за человек. Ночных ресторанов я в глаза не видела; пью только некрепкий чай; в жизни не разговаривала с мужчиной у актерского подъезда и имею вклады в пяти сберегательных кассах.

– Мисс Черри, – проговорил Боб Харт своим красивым, серьезным голосом, – ваши условия мне подходят. Я и сам человек сугубо деловой. Во сне я всегда вижу домик из пяти комнат на северном берегу Лонг-Айленда, на кухне повар-японец стряпает устричный суп и утку по-токийски, а я на веранде качаюсь в гамаке и читаю «В дебрях Африки» Стэнли. И ни живой души вокруг. Вы никогда не интересовались Африкой, мисс Черри?

– Я – нет, – ответила Черри. – Свои деньги я намерена класть в банки. Там начисляют до четырех процентов на вклад. Я рассчитала, что даже при теперешнем жалованье смогу через десять лет получать пятьдесят долларов в месяц одних процентов. А может, вложу часть капитала в какое-нибудь дело – дамскую парикмахерскую или шляпную мастерскую, – и тогда мой доход увеличится.

– Ну что ж, – сказал Харт. – Во всяком случае, взгляд у вас верный. Если бы все у нас откладывали деньги вместо того, чтобы пускать по ветру, каждый мало-мальски стоящий актер

мог бы без опаски смотреть в будущее. Я рад, что у вас такой правильный подход, мисс Черри. Я его разделяю; и мне кажется, что этот скетч, когда мы его как следует отделаем, увеличит и ваши и мои доходы вдвое против теперешнего.

Дальнейшая судьба скетча «Кот издох – мышам раздолье» ничем не отличалась от судьбы всякого удачного драматургического произведения. Его сокращали, разбивали на сцены, переставляли, урезывали, переставляли реплики, снова делали как было, дописывали, вычеркивали, меняли название, восстанавливали прежнее, заменяли револьвер кинжалом, а потом опять кинжал револьвером – словом, подвергали всем существующим видам ужатия и доработки.

Репетировали в пустой гостиной пансиона, где жила Черри, отрабатывая действие строго по минутам, пока не добились, чтобы шипение старинных часов перед боем всегда раздавалось ровно на полсекунды раньше, чем щелчок незаряженного револьвера, который Эллен Граймс держала в руке, прогоняя захватывающую кульминационную сцену.

Да, это была захватывающая пьеса, и поставлена она была замечательно.

На сцене звучал настоящий выстрел из настоящего заряженного тридцатидвухкалиберного револьвера. Эллен Граймс, девушка с Дальнего Запада, в ловкости и отваге не уступающая Буффало Биллу, пламенно любит Фрэнка Десмонда, личного секретаря и будущего доверенного зятя своего отца. «Арапахо» Граймс, полумиллионер и король скотоводов, – живет на собственном ранчо, которое расположено, судя по деталям пейзажа, где-то не то в штате Невада, не то на Лонг-Айленде. Десмонд (в частной жизни мистер Боб Харт) носит краги и охотничье галифе и местом своего жительства называет город Нью-Йорк, так что непонятно, что же он делает в Неваде или там на Лонг-Айленде, и остается только догадываться, зачем королю скотоводов понадобились на ранчо кожаные краги, да в них еще и секретарь.

Словом, вы сами знаете не хуже меня, что такие пьесы, как ни прикидывайся, всем нам по душе – этакая смесь «Сына Синей Бороды» с «Цимбелином» в русской постановке.

В «Мышах» было всего две с половиной роли. Харт и Черри, разумеется, исполняли первую и вторую; а половинка всегда доставалась рабочему сцены, который вбегал в смокинге и в панике и кричал, что дом окружили индейцы, а заодно, по приказанию директора, незаметно прикручивал газ в буафорском камине.

Еще была в этом скетче вторая женская роль – столичной светской красавицы, которая приезжала погостить на ранчо, успев околдовать Джека Валентайна, еще когда он не разорился и был состоятельным клубменом в Нью-Йорке. Эта девица фигурировала на сцене только в виде фотографии – Джек держал ее портрет на каминной полке в их лонг-айлендской... то бишь невадской гостиной. И Эллен, понятно, мучилась ревностью.

А дальше начинались захватывающие события. Старый «Арапахо» Граймс в одночасье умирает от грудной жабы – об этом нам театральным шепотом, так, что слышно в последнем ряду, сообщает осиротевшая Эллен, – и при его кончине присутствует только один человек: его секретарь. А известно, что в день смерти у него в библиотеке (это на ранчо!) оставалось 647 тысяч долларов, вырученных от продажи на Восток партии рогатого скота (вот откуда у нас такие цены на бифштексы!). Деньги исчезли. Джек Валентайн был единственным человеком, который находился при старом скотоводе, когда тот предположительно отдал концы.

– «Видит Бог, я его люблю, но если это его рук дело...» – ну, вы понимаете. И дальше в достаточно нелестных тонах говорится о нью-йоркской красавице, которая, кстати сказать, так и не появляется на сцене – и можно ее понять, когда Театральное объединение замораживает цены на билеты и дело дошло уже до того, что платье вам на спине застегивает помощник режиссера, на костюмершу просто не хватает средств.

Однако погодите. Приближается развязка. Эллен Граймс, не в силах дольше владеть своим ковбойским темпераментом, совершенно теряет голову от ревности. Она убедилась, что ее Джек Валентайн не только коварен, но еще и расчетлив. Одним махом лишиться

647 тысяч долларов и возлюбленного в охотничьих галифе с галунами зигзагом, как температурная кривая у тифозного больного, – это какую хочешь благородную леди выведет из себя. Трепещите же.

Он и она стоят в библиотеке (на ранчо), где над книжными шкафами висят лосиные рога (ведь когда-то, если не ошибаюсь, на Лонг-Айленде в первобытных лесах водились лоси?). Это – начало конца. Я не знаю более интересного места в спектакле, разве что конец начала.

Эллен думает, что деньги взял Джек. Больше-то ведь некому было: директор все представление просидел у окошечка кассы; оркестранты со своих мест не вставали; а через актерский подъезд старый Джимми не пропустит ни живой души – до тех пор пока ему не предьявят в качестве гарантий благонадежности скайтерьера или автомобиль.

Окончательно, как мы сказали, потеряв голову, Эллен говорит Джеку Валентайну: «Грабитель и вор – и хуже того, похититель доверчивых сердец! Ты заслужил смерть!»

При этом она, сами понимаете, выхватывает свой верный револьвер.

– «Но я буду милосердна, – продолжает Эллен. – Ты останешься в живых, и это послужит тебе наказанием. Сейчас ты увидишь, с какой легкостью я могла бы обречь тебя смерти, которой ты заслуживаешь. Вот на камине ее портрет. Пулю, что должна была пробить твое подлое сердце, я всажу в ее прекрасное лицо».

Сказано – сделано. И никаких там холостых патронов, никаких погремушек за сценой. Эллен стреляет. Пуля – настоящая пуля – пробивает фотографию – попадает в скрытую пружину, и панель тайника в стене отодвигается, а там, взгляните-ка! те самые 647 тысяч, лежат как миленькие, ассигнации пачками, золото в мешках. С ума сойти. Ну, вы понимаете. Черри два месяца практиковалась с мишенью на крыше своего пансиона. Тут нужна большая меткость. В спектакле ей надо было попадать в медный кружочек диаметром всего три дюйма, да еще заклеенный обоями; надо было каждый раз остановиться точно на том же месте, и фотография должна была стоять точно в том же положении, и стрелять надо было каждый раз недрогнувшей, твердой рукой.

Конечно же, старый «Арапах» просто припрятал денежки в укромном месте, и, конечно, Джек не взял себе ничего, кроме собственного жалованья (за что ему, конечно, можно было бы пришить «присвоение денег при отягчающих обстоятельствах»; но это уже другой вопрос); и, конечно же, нью-йоркская красавица на самом деле обручена с владельцем строительной конторы в Бронксе; так что, естественно, Джек и Эллен оказываются под занавес в двойном нельсоне – и все кончается ко всеобщему счастью.

Доведя скетч до совершенства, Харт и Черри дали пробный спектакль. Успех был сногсшибательный. Они одержали одну из тех редких побед в искусстве, которые буквально затопляют зрительный зал сверху донизу. Галерка рыдала; оголенный партер плавал в волнах слез.

Театральные агенты ходили по пятам за Хартом и Черри и совали им на подпись бланки контрактов с непроставленными суммами. И вылилось это все в пятьсот долларов еженедельно.

После спектакля, проводив Черри до порога ее пансиона, Харт снял шляпу и пожелал ей спокойной ночи.

– Мистер Харт, – сказала она серьезно, – не зайдете ли на минутку в гостиную? Перед нами открылась возможность заработать приличные деньги. И наша задача теперь – как можно больше сократить расходы, чтобы не тратить сверх нужды ни цента.

– Согласен, – ответил Боб. – Дело есть дело. Вы свои деньги расписываете по банкам; а мне каждую ночь снится мой домик с поваром-японцем, и чтоб там больше ни живой души. Всякое соображение насчет того, как увеличить чистый доход, представляет для меня интерес.

– Зайдите же на минуту в гостиную, – еще серьезнее повторила Черри. – У меня к вам есть деловое предложение, как сократить расходы и помочь вам в осуществлении вашей мечты, а мне – моей. Сугубо деловое предложение.

Скетч «Кот издох – мышам раздолье» шел в Нью-Йорке с огромным успехом целых десять недель – для эстрадных театров срок немалый, – а потом уехал в провинцию. Не вдаваясь в детали, можно сказать, что он служил нашему дуэту верным и неисчерпаемым источником дохода, за два года нисколько не утратив своей шумной популярности.

Сэм Паккард, директор одного из нью-йоркских эстрадных театров, так говорил о Харте и Черри:

– Самая лучшая и самая порядочная эстрадная пара. Одно удовольствие – читать их имена в афишке. Спокойные, трудолюбивые, никаких истерик и сердечных страданий, на работу являются минута в минуту, после выступления – сразу домой, и оба такие джентльмены, ну прямо настоящие леди. Никогда еще актеры не причиняли мне меньше неприятностей и не внушали мне больше уважения к своей профессии.

И здесь, ободрав, наконец, всю шелуху, мы подобралась к зерну нашего рассказа.

В конце второго сезона «Мыши» вернулись в Нью-Йорк для второго прогона в летних театрах и на открытых эстрадах. Их с готовностью и на самых выгодных условиях включали в любую эстрадную программу. У Боба Харта домик его мечты был уже, можно сказать, в кармане, а Черри накопила столько банковских книжек, что пришлось ей покупать для них в рассрочку книжные полки.

Говоря это, я просто хочу убедить вас в том, что и среди актеров очень часто встречаются люди, которые живут во имя избранной цели – как, скажем, человек, мечтающий стать президентом, или бакалейщик, задумавший обзавестись собственным загородным домом, или благородная дама, собравшаяся сменить графский хрен на княжескую редьку. И при этом да будет мне позволено заметить, не для печати, что, идя к своей цели, они поистине способны порой свершать чудеса.

Слушайте же.

Во время представления «Мышей» в новом здании театра «Вестфалия» в Нью-Йорке Виона Черри почему-то нервничала. И, стреляя в фотографию на камине, она, вместо того чтобы попасть в лицо красотке и в медный кружочек, пустила пулю в шею Бобу Харту над левой ключицей. От неожиданности Харт упал замертво, а Черри картинно грохнулась в обморок.

Публика, полагая, что ей показали комедию, а не трагедию с женитьбой и примирением, радостно аплодировала. Единственный человек, не потерявший присутствия духа (один такой всегда найдется на месте подобных происшествий), дал знак опустить занавес, и две бригады рабочих сцены уволокли в разные стороны два распростертых тела. Объявили следующий номер программы, и веселье продолжалось.

У актерского подъезда был выловлен молодой медик, дожидавшийся своей пациентки с букетом алых роз наготове. Он внимательно осмотрел Харта и посмеялся от души.

– В газетах о вас не напишут, старина! – таков был его диагноз. – На два дюйма левее – и была бы повреждена сонная артерия. А так пусть бутафор оторвет у какой-нибудь хористочки от подола полоску валансьенских кружев и наложит вам повязку, потом поезжайте домой, там вас перевяжет районный доктор, и все пройдет. А теперь прошу меня простить, меня ждет тяжелобольная.

Боб Харт воспрянул духом и почувствовал себя гораздо лучше. Тут в помещение, где он лежал, пришел Винченце – Великий Фокусник, подлинный артист своего дела. Винченце, он же в быту Сэм Григгз из Брэтлборо, штат Вермонт, был серьезный человек, из каждого города посылавший игрушки и сласти двум маленьким дочкам. Он вместе с Хартом и Черри ездил по провинции и состоял с ними в дружбе.

– Боб, – озабоченно сказал Великий Фокусник, – слава Богу, что рана не опасна. Девочка вне себя.

– Кто? – не понял Харт.

– Да Черри. Мы не знали, в каком ты состоянии, и не пускали ее к тебе. Директор и три девушки держат ее там из последних сил.

– Но я же понимаю, это несчастный случай, – сказал Харт. – Я на Черри не в обиде. Просто она не совсем хорошо себя чувствовала. Пусть не угрызается. Она человек деловой. Через три дня, доктор говорит, я снова смогу выступать. Так что незачем ей беспокоиться.

– Парень, – свирепо проговорил Сэм Григгз, нахмурия свой старый, обветренный, складчатый лоб. – Ты что, автомат или мужчина? Черри все глаза по тебе выплакала, все кричит: «Боб! Боб!» – и к тебе рвется, а ее держат за руки, за ноги, сюда не пускают.

– Чего это она? – недоуменно спросил Харт. – Через три дня возобновим выступления. Доктор говорит, рана не опасная. Она не потеряет на этом и половины недельного заработка. Несчастный случай, я понимаю. Чего это она?

– Да ты-то чего, слепой или дурак? – ответил ему Винченце. – Она тебя любит и чуть с ума не сошла оттого, что ты ранен. Что с тобой? Или она для тебя ничего не значит? Слышал бы ты, как она тебя зовет!

– Она... меня... любит? – повторил Боб Харт, приподнимаясь на груди размалеванных задников. – Черри меня любит? Да этого быть не может.

– Ты бы на нее посмотрел да сам послушал.

– Но говорю тебе, – сказал Боб садясь, – этого быть не может. Мне никогда ничего подобного и в голову не приходило.

– Тут двух мнений быть не может, – произнес Великий Фокусник. – Она голову потеряла от любви к тебе. Как ты мог быть таким слепцом?

– Но Господи ты боже мой! – Боб вскочил на ноги. – Ведь теперь уже поздно. Поздно, говорю тебе, Сэм. Понимаешь? Поздно! Не может этого быть. Ты, наверно, ошибся. Не может быть. Тут что-то не так.

– Она плачет по тебе, – сказал Великий Фокусник. – Из любви к тебе она одна борется против троих и так громко зовет тебя, что дирекция не решается поднять занавес. Проснись и протри глаза.

– Из любви ко мне? – растерянно повторил Боб Харт. – Да говорю я тебе: поздно! Слышишь? Поздно. Мы же с ней уже два года женаты.

Золото, которое блеснуло **(Перевод Владимира Азова)**

Рассказ с моралью подобен москиту с его жалом. Он вам сначала надоедает, а после себя оставляет яд, который надолго отравляет нашу совесть. Поэтому лучше всего начать с нравов учения, чтобы сразу же с ним и покончить. Не все то золото, что блестит, – но иногда бывает благоразумнее подалеке убрать пузырек с кислотой и воздержаться от испытания подлинности металла.

Вблизи того места, где Бродвей подходит к площади, над которой царит Правдивый Джордж,³ находится Литл-Риальто. Здесь можно встретить всех актеров района; это их штаб-квартира. «Никаких мягких, – говорю я Фроману, – два с половиной доллара за выход; ни центом меньше не возьму» – и ухожу.

К западу и к югу от царства Мельпомены лежат одна или две улицы, где тесно жмутся друг к другу представители испано-американской колонии в надежде создать себе хоть некоторую иллюзию тропической жары на беспощадном севере. Центром, вокруг которого сосредоточивается вся жизнь этой местности, является «Эль-Рефугио», кафе-ресторан, обслуживающий легкомысленных эмигрантов с юга. Из Чили, Боливии, Колумбии, из вечно шумящих республик Центральной Америки, с кипящих страстями Вест-Индских островов залетают сюда одетые в плащ и сомбреро сеньоры, выбрасываемые, подобно горячей лаве, из своих государств политическими извержениями. Сюда они являются, чтобы составлять заговоры, ожидать благоприятной минуты, добывать средства, вербовать флибустьеров, вывозить контрабандой оружие и военные припасы – одним словом, заниматься различными авантюрами. Здесь, в «Эль-Рефугио», господствует атмосфера, необходимая для их процветания.

В ресторане «Эль-Рефугио» подаются кушанья, наиболее ценимые жителями стран, лежащих между Козерогом и Раком. Из человеколюбия мы должны здесь на время прервать наш рассказ. О ты, едок, которому надоели кулинарные ухищрения галлов! Отправляйся в «Эль-Рефугио»! Только там найдешь ты рыбу из Мексиканского залива, поджаренную по-испански. Томаты придают ей цвет, индивидуальность и дух; чилийская капуста сообщает ей вкус, оригинальность и прелесть; неведомые травы добавляют пикантность, экзотичность и... Впрочем, заключительное совершенство ее заслуживает отдельного предложения. Вокруг нее, над ней, под ней, поблизости, – но отнюдь не в ней самой, – витает эфирная аура, эманация столь тонкая и нежная, что только Общество Психических Изысканий могло бы открыть ее происхождение. Не позволяйте себе утверждать, что в «Эль-Рефугио» кладут в рыбу чеснок. Можно только сказать, что дух чеснока, пролетая, мимоходом коснулся устами обложенного петрушкой блюда; но поцелуй этот неизгладим, как воспоминание о тех поцелуях, которые «в мечтаниях ты срываешь с уст, уж отданных другому». А потом, когда Кончито, слуга, подает вам порцию румяных frijoles и графин вина, которое прямым сообщением приехало без остановок в «Эль-Рефугио» из Опорто – ah, Dios!..

Однажды с пассажирского парохода Гамбургско-Американской линии сошел на пристань № 55 генерал Перрико Хименес Виллабланка Фалькон, прибывший из Картахены. Мастью генерал был не то рыжий, не то гнедой, объем его талии равнялся сорока двум дюймам, а рост его, вместе с каблуками времен Людовика XV, не превышал пяти футов четырех дюймов. По усам его можно было принять за содержателя тира; одет он был как член конгресса из Техаса и держался с важным видом делегата, получившего неограниченные полномочия.

³ Памятник Джорджу Вашингтону.

Генерал Фалькон был достаточно знаком с английским языком, чтобы спросить, как пройти на улицу, где помещается «Эль-Рефугио». Дойдя до тех краев, он увидел приличного вида красный кирпичный дом, на котором была вывеска «Hotel Espanol». В окне была выставлена карточка, на которой было написано по-испански: «Aqui se habla Espanol».⁴ Генерал вошел, уверенный в том, что он найдет здесь тихую пристань у соотечественников.

⁴ Здесь говорят по-испански.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.